

Исполнилось 125 лет со дня рождения классика латышской литературы, новеллиста, драматурга и поэта, критика, публициста и переводчика Рудолфа БЛАУМАНИСА.

СЛОВО О ПИСАТЕЛЕ — народной артистке СССР Лидии ФРЕЙМАНЕ, народной артистке Латв. ССР, режиссеру Луции БАУМАНЕ, заслуженному деятелю культуры, лауреату Государственной премии республики, драматургу Гунару ПРИЕДЕ.

ЛИДИЯ ФРЕЙМАНЕ: «Я ДОЧЬ НАЗВАЛА КРИСТИНОЙ»

ПЕРВОЕ впечатление мое от встречи с произведением Блауманиса помню до сих пор, хотя тогда мне было лет восемь. Учительница латышского языка задала выучить наизусть стихотворение о первой фиалке. Я читала — и видела и эту расцветающую фиалку, и маму, которая показывает ее ребенку, и капельку росы на лепестках... Потом, когда «проходили» поэзию Блауманиса, его удивительные новеллы, и сама постепенно достала до восприятия творчества писателя во всем его богатстве, всей глубине, великой правдивости и человечности.

Еще до войны, в драмкружке коммерческой школы, в которой я училась, мы поставили комедию «Сладкое вино», где я играла роль очень колоритной старухи Лавизе. И занималась репетициями так усердно, что запустела математику, получила двойку и осталась на второй год. При этом директор школы заявил, что мне пора перебраться из коммерции в театр. Так вот с Блауманиса началась моя театральная биография. Позже, став профессиональной актрисой, выходила на сцену в этой же пьесе, но уже в роли молодой Марии.

В 1947 году я окончила студию при латышском театре драмы и была принята в его труппу. А в конце 48-го ставится «В огне», и счастливая судьба преподносит мне щедрый подарок — роль Кристины, человека необыкновенно душевной чистоты и женственности. Именно в этой роли произошло и мое рождение как актрисы. И по сей день я не знаю в литературе образа латышской женщины чище, благородней образа блауманисовской Кристины. Меня часто просят объяснить, как я над ролью работала... Но я не могу ничего сказать: я просто не в состоянии отделить себя от этой роли, она так близка мне, будто все это — моя собственная жизнь. Я свою старшую дочь назвала Кристиной!

Начинали мы репетировать пьесу еще с Алфредом Антаном-Бриедитисом, но он заболел, и работу завершил Жанис Катлапс, который, кроме того, и роль Эдгара сыграл. Режиссер очень бережно обошелся с пьесой, поставил именно Блауманиса, а не «по Блауманису», и я считаю это главным достижением того спектакля.

После страшного военного времени, его жестокостей люди тянулись к свету, к чистоте, к человечности. Играла мы «В огне» очень долго, более четырех лет, частыми были выездные спектакли. Публика очень любила эту пьесу, потому на фоне довольно скудного и пресного репертуара (тогда в кино и на сцене ца-

рила «бесонфликтность») особенно привлекала живыми, непримиримыми человеческими страстями, настоящим духовным конфликтом между главными героями.

Блауманис — классик латышской литературы. Хотя было время, когда его не очень-то принимали, упрекали в том, что «ничего не писал о революции». Но ведь в том-то и дело, что герой его пьес и новелл предельно достоверны и действуют в предельно достоверных обстоятельствах. Он так показывает и человека, и время, и человека, что, читая или сидя в зале, на спектакле, понимаешь, почему неизбежна была революция и какие люди могли участвовать в ней. И мне, например, стыдно за тех критиков, писателей, кто пытался принизить значение Блауманиса. Не верю, что шли они на это, исходя из своих искренних убеждений, скорее из желания себя показать очень «р-р-революционными» таким, мягко выражаясь, не очень благородным способом.

Классика потому и классика, что правдива и жива во все времена. Человеческое переживания остаются. У Блауманиса в центре происходящего всегда великие этические ценности. В которых, на мой взгляд, в наш технократический век мы нуждаемся особенно. Раньше человек был ближе к природе, и во многом сама природа учила нас быть этически, иначе — гибель и разрушение. Техника отрывает нас от живого контакта с природой, и возникают странные психологические переко-сы, ньюансы, не вписывающиеся в общечеловеческие представления об этическом, нравственном. А представления эти нельзя утрачивать, их необходимо сохранять и развивать — в детях, внуках... Так вот, все они заложены и в драматургии Блауманиса, и в его замечательных новеллах — «Андриксон», «В тени смерти» и многих других. И, что особенно ценно, — он не просто «проповедовал», он и жил по этим своим представлениям: о доброте и товариществе, о честности и трудолюбии, о ценности и неповторимости каждой человеческой личности. Скольким людям он помог, скольких начинающих писателей поддерживал...

Довелось мне сыграть в разное время три разные роли в комедии «Дни портных в Силмачах». Сначала молодую батрачку Элину, которую любил Алексис, а потом мудрую Бабену и хитрую Пиндациане. Играть в пьесах Блауманиса — одно удовольствие. Образы настолько сами по себе живые, что вжиться в них не трудно, это происходит очень естественно. Единственная трудность — нужно соблюдать очень своеобразное, присущее только Блауманису строение фразы. Эту прекрасную речь переназначать на свой лад, конечно, нежелательно. Ведь благодаря ей мы слышим, как именно говорили в то время, хотя речь эта все же не воспринимается как архаичная и старомодная. И эта яркая краска не должна исчезнуть.

Потому я предлагаю только одно — подумать о том, как сделать работы Блауманиса доступными для всех. И, конечно же, для тех, кто не прочтет их в оригинале. Тут, в первую очередь, речь идет о его пьесах «Блудный сын», «Индраны», «В огне», «Субботный вечер».

Премьера пьесы Рудолфа Блауманиса «Индраны» со-

стоялась в Рижском театре русской драмы в январе 1912 года. Режиссером этой постановки стал Н. Михайловский, в ролях были заняты известные мастера сцены того времени. К примеру, в роли Иены зрители увидели Марию Роксанову, актрису, исполнившую роль Нины Заречной в легендарной премьере чеховской «Чайки» в Московском художественном театре. Судя по рецензиям, русская аудитория приняла пьесу Блауманиса хорошо, заинтересованно, постановка при-

влекла и латышскую публику. А где и с какими работами классика латышской драматургии русские зрители могут познакомиться в Риге теперь? Комедия «Дни портных в Силмачах» входит в репертуар Рижского театра русской драмы, — и это, пожалуй, все.

А ведь, допустим, те же «Индраны», завоевавшие в 1912 году русскую аудиторию, и сегодня многое расскажут зрителям о Латвии и латышах. Недавно режиссер

ГУНАР ПРИЕДЕ: «В центре живой жизни»

Карлис Аушкпавс поставил эту пьесу в Финляндии, отклики о постановке были самые хорошие. Мне из всех драматургических работ Рудолфа Блауманиса ближе всего пьеса «В огне», считаю ее шедевром мировой драматургии. Пьеса эта выросла из новеллы «В трясине» — да, Блауманис еще и великий мастер новеллы. Жаль только, что так далеко от новеллы Рудолфа Блауманиса ушел фильм Рижской киностудии «Эдгар и Кристина». К сожалению,

не было в этой ленте ни блауманисовского Эдгара, ни Кристины. В конце шестидесятых фильм вызвал бурные дискуссии, которые отразились и в печати. Единственный аргумент «за» был следующим — фильм уже успели посмотреть миллионы зрителей в нашей стране и за рубежом... Но неужели зрителей в кинотеатрах было бы меньше, сохрани фильм этику и эстетику Блауманиса? На этот вопрос ответа не было.

Мне не нравится и то, что памятник Рудолфу Блауманису в Риге стоит на газоне возле канала, где его мало кто замечает. А ведь раньше памятник находился в скверике на перекрестке улиц Кр. Барона и Блауманиса — в самом центре живой жизни города.

Сам Рудолфс Блауманис всегда был и будет в центре жизни.

КАЛЕНДАРЬ «СМ»

СПЕЦВЫПУСК
«КАМЕРТОНА»

РУДОЛФ
БЛАУМАНИС
125

НА СНИМКАХ:
* Снимок 1880 года.
* Рудолф Блауманис вместе с А. Буманисом — автором музыки к пьесе «Дни портных в Силмачах» и Я. Гресте — своим учителем и близким другом (1906).

ЛУЦИЯ БАУМАНЕ: «ПОКОРЯЕТ ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕКУ»

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ в наших театрах ставили Блауманиса, но и мнение такое существовало, что он вроде бы нам сегодня не очень нужен. Режиссеры старались его «осовременить», найти в нем что-то «нетрадиционное», а часто — прямо противоположное заложенному в его пьесах.

Но каждый настоящий писатель ценен именно своим неповторимым видением мира, общества, человека. Сегодня мы, кажется, наконец понимаем это, и стараемся вернуть в литературу многие драматические приемы. Думаю, пришло время

взглянуть по-новому и на творчество Блауманиса.

Столкнувшись с ним не только как читатель и зритель, но уже как режиссер несколько лет назад. Тогда наша консерватория набрала первый театральный курс специально для ТЮЗа. Курс был очень большой, и я предложила поставить «Дни портных в Силмачах», в которых подходящий состав действующих лиц.

И вот приступили. Сначала мне показало, что молодость эта работа не по сердцу. Тогда был пик увлечения современной зарубежной драматургией — Олби, Бекке-

том и т. д. — а тут «сцены из народной жизни»... Но когда мы засели за настоящий анализ пьесы, почувствовала — отношение моих ребят изменилось.

Что привлекает в Блауманисе? Очень глубокое знание человека и большая любовь к нему. Для него главное не заклеить своего героя, не обвинить в чем-то, но понять его; а нас, зрителей, читателей, заставить понять себя, заставить думать.

А лет пять назад получила такая история. Наш ТЮЗ существует над мажорским народным театром, много им помогает. И вот они попросили к 120-летию Блауманиса показать им концертную программу. Стала я думать, перечитывать писателя. Не только пьесы, но и поэзию, статьи, письма, замечательные новеллы... И обнаружила в его письме одному из критиков такие строки: «...Когда вы меня снова возьмете «на мушкет», делайте это без «белых перчаток». То есть, критикуй откровенно, говори всю правду, чтобы я смог сделать практические выводы относительно своего творчества. Вот эта строчка из письма и стала началом одночасовой композиции «...без белых перчаток». Я взяла для нее то, что Блауманис писал о театре, о литературе и писателях, о человеческих переживаниях. Обнаружила для себя его блистательную театральную критику, где любое требование к актеру, режиссеру можно спокойно брать на вооружение и сегодня.

Очень жалею, что молодые режиссеры пока не тянут к превосходной драматургии Блауманиса, сумевшего столько сказать о характере, душе латышского народа, так сумевшего их выразить. Надеюсь, молодежь почувствует, наконец, Блауманиса и придет к нему — как к чистому роднику на родной земле.

Рудолфс БЛАУМАНИС

Как непозитивно!

Не было луны, цветов душистых,
Соловьи вокруг не ликовали.
Все в грязь осенней утало,
Без перчаток руки замерзали.

Не в долине, и не ночью в роще,
Поутру свиданье состоялось.
У стола, — на нем, как я заметил,
Что-то из еды еще осталось.

Пред тобой не пал я на колени,
Не клаясь уста мои, не лгали,
Не клаясь и ты: «Твоя навеки!»,
Слез твоих глаза не извергали.

На вопрос: «Любим ли я?», ответом
Был твой взгляд. На кухне что-то грелось.
Мы поцеловались. Вслед за этим
Стал я есть — уж очень есть хотелось.

1899

Одуванчики

Одуванчики-цветочки
На зеленом бутерочке,
Солнце милое выходит:
Утро доброе, сыночки!

Одуванчики-цветочки,
Одного мы с вами роду:
Я из золота и ваши
Позолочены сорочки.

Народная песня

Коня, коваль, мне подкуй,
Конь мне нужен кованый,
Талерами старыми,
Алмазными гвоздиками.

Стоит терем девичий
На горе ледяной
Скачут под горою
На коне некованом.

Жеребед мой кованый,
Я уже у терема!
Я на девять горок
Расколот тору.

Светлый терем девичий
На девятой горке.
Смирно стой, мой резвый
У светлого терема.

1907.

Перевод Л. БЛОМФЕЛЬД.

— Можно выпускать? — раздался голос брата.
— Впускать, впускать.
Он распахнул дверь, на мигновенье шум стих, и вдруг с торжественным гулом в зал хлынули дети. Родители остались стоять в дверях.
Пона ребята пели и читали стихи, я стоял у столтика с подарками и всматривался в их лица. Как мало солнца, света, как мало праздников видели эти дети!.. Я всегда считал жизнь крестьян здо-

тельками смотрела на коричневых пряничных солдатиков и глотала слюну... Меня охватила неприязнь и жалость, — что за противная страсть к лакомствам, но, опомнившись, я подумал: бедная девочка, сколько ты уже видела лишений и сколько еще придется увидеть! Пожалуй, нам с братом следовало добавить еще несколько рублей... И тут взор мой остановился на маленьком мальчике.

Началась жеребьевка. Я держал шапку с билетами, а брат выкидывал по списку имена ребят. Один за другим подходили они и уносили

мерно больших штанов. Он все стоял, сказав кулачки, и как зачарованный смотрел на всадника.
— Ей богу, достанется Эльстеру! — громко воскликнула в глубине комнаты какая-то девочка.
Этот внезапно прорезавший монотонное гудение возглас как будто всех ошеломил, — воцарилась тишина... На щеках мальчугана показался легкий румянец, он перелов дух. Мальчик был пре-

Рудолфс БЛАУМАНИС

КРАСНЫЙ ВСАДНИК

роной и полноценной, и вдруг в лучах шестидесяти елочных свечей она предстала передо мной совсем в ином свете, — я понял, что меня радовала только природа, а не жизнь этих ведущих извечную борьбу с матерью-землей людей... Нужда наложила свой отпечаток: на детях были безвкусные и неуклюжие платья, темные тени от закопченных стен их убогих жилищ легли на юные лица...
И все же глаза сияли. Жадно впитывали они красоту сегодняшнего вечера. Взоры с восторгом скользили от пестрой елки к скромно и просто украшенному столу с подарками.

Посредине красовался красный пряничный всадник с белыми сахарными позурами. На голове у всадника

свою добычу: то здесь, то там раздавался треск разгрызаемых орехов, становилось все шумнее. Вот уже исчезли со стола цветные карандаши, тетради, записные книжки и сказки, лишь красный всадник все еще стоял на прежнем месте.

— Как ты думаешь, кому он достанется? — донесся тревожный шепот из угла.
— Кому? Кому? — шептали в другом углу.
Всадник настолько пленил детей, что даже взрослые заговновались. Таяла кучка ребят, не получивших подарков, вот уже осталось только трое довольно больших ребят и мой мальчуган.

— Кому же достанется всадник? —
Мне так хотелось, чтобы достался он мальчику в непо-

исполнен страстного желания заполучить пряничного красавца, и я чувствовал, как его сердечко трепетало. Но он стойко, как настоящий мужчина, ждал решения своей участи. Наконец брат обратил к нему.

— Ну, Эльстер, — сказал он спокойно и размеренно, — вы с Блумом последние, хватайте по билету... Всадник почти твой, — добавил он и наклонился к мальчику.

С улыбочкой победителя схватил мальчик билетик... и получил пять орехов, пару конфет и яблоко. Всадника умчал Блум.

Мальца будто громом поразило. Опустив голову, побред он в дальний угол.

Мне стало не по себе. Как мерзко! Неужели не мог на долю ребенка выпадать такой пустяк. Даже тут, у елки, так случается... — Не достался? — воскликнула моя мать с жалостью. — Ах ты бедняжка! Этого только не доставало! Ребенок, которому и пожаловаться некому на свою боль и обиду, услышав ласковые слова, горько расплакался.
Чтобы хоть немного успокоить мальчугана, мать насыпала мальчику в карман горсть медовых пряников. Но это не помогло, громко всхлипывая и стесняясь своих слез, побред он из комнаты...
Через некоторое время начались танцы под звуки скрипки, но маленького мальчика среди танцующих не было. Поиск его глазами, я взял пару яблок и отправился в спальню мальчугана. Так и есть. Он лежал, вытянувшись на узкой кровати, и смотрел на меня большими испуганными глазами. Я поставил свечу на соседнюю кровать, подсел к нему и положил яблоки на одеяло. Через минуту он тихо высовывал из-под одеяла руку и стал робко играть яблоком. Рука была такой тонкой и худой, что сердце мое сжалось...
Над нашими головами слышался приглушенный топот и шарканье танцующих.
Казалось, что этот глухой шум разбудил дремавшие в темных углах комнаты одиночество. И я вдруг почувствовал, что оба мы — я и мальчик — одинокие и заброшенные, — мне захотелось плакать.